

УДК 172

МОРАЛЬНАЯ РИТОРИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Пороховская Т.И.

Задача работы – систематизировать и критически осмыслить причины и мотивы обращения политиков к моральной риторике, выявить функции морального языка в публичной политике. С этой целью рассматриваются связь морали и политики у Платона и Аристотеля, основные этапы формирования представлений о специфике политического (более подробно – у Н. Макиавелли и К. Шмитта), место и роль моральной риторики в политическом дискурсе. В статье показывается, что моральные ценности могут быть и ценностями политики, но могут и игнорироваться в ней. Однако моральная риторика в публичной политике используется всегда. Это обусловлено особенностями собственно политического (политологического) и морального языка, а также тем, что моральная риторика часто применяется в политике инструментально. Апелляция к морали усиливает политику, делает ее более привлекательной и более действенной, поэтому моральная риторика используется в политике как средство для реализации политических целей: морального возвышения своей группы и своих целей, морального унижения группы политического противника, а также для того, чтобы скрыть, закамouflировать свои подлинные цели и намерения.

Ключевые слова: мораль, политическое, морализаторство, моральная демагогия, символическое насилие.

Предметом исследования является моральная риторика в публичной политике.

Цель работы – систематизация и анализ причин и мотивов обращения политиков к моральной риторике.

Для того чтобы выяснить место и функции моральной риторики в политическом дискурсе, необходимо выявить собственную компетенцию, специфику политического и морального, а также характер связи между ними. В Античности связь морального и политического представлялась естественной и необходимой, а реальная политика, в зависимости от обстоятельств, оценивалась как нравственная или безнравственная. Платоном, да уже и до него, термин «политика» использовался для обозначения искусства управления людьми (управления немногими «благородными и мудрыми»). Аристотель под политикой понимал уже «искусство управления государством». Стремление к благой жизни, по Аристотелю, – это и сущностная характеристика человека, и цель политики, а этика

– введение в политику. От рассуждений о добродетели, общественном благе, справедливости в «Никомаховой этике» он переходит в «Политике» к контекстуальному рассмотрению этих понятий, размышлениям о справедливом государственном устройстве. Вплоть до XVI-XVII в. политика рассматривалась как важное дело служения общему благу, сохранению мира и справедливости, и философы могли еще спорить, что благороднее – политика, теология или философия.

В Новое время, как вследствие обобщения эмпирических данных повседневной политической практики, так и под влиянием таких мыслителей Возрождения, как Н. Макиавелли, Л. Цукколо, Ф. Гвиччардини и др., в политической философии складывается мнение об автономии и даже несовместимости политики и нравственности. Макиавелли рационализировал и обобщил методы, повышающие эффективность политической борьбы, и тем самым обозначил специфическую природу политического¹. Политика у него отделяется от морали, понимается как самостоятельная сфера отношений и деятельности с собственными задачами, мотивами, принципами, способами аргументации. Мораль же рассматривается инструментально: она должна приниматься во внимание, если способствует достижению политических целей, и может игнорироваться, если мешает политику.

Существенный вклад в разработку специфики политического внес Карл Шмитт [1], проницательный теоретик политики и права в Веймарской Германии, а в 1930-е годы – активный член Национал-социалистической партии Германии. В работе «Римский католицизм и политическая форма» (1923) он выдвигает тезис о том, что в политике имеется собственный, специфический критерий – оценка контрагента отношений с точки зрения того, является ли он другом или врагом. Одним из источников этой идеи был Гегель, его определение врага как отрицания «чужого» в «Философии права». Другим – его ненависть к политическим врагам, прежде всего коммунистам. Шмитту было свойственно доводить идеи до их логического конца, за что Ханна Арендт назвала его «кабинетным политическим экстремистом» [13, с. 169].

¹В трактате «Государь» Макиавелли формулирует принципы, которыми должен руководствоваться правитель государства для сохранения своей власти. Благодеяния, пишет он, следует делать понемногу, чтобы они лучше запоминались, а все жестокости необходимо совершать сразу, чтобы не пришлось повторять их каждый раз. Обиды тоже нужно наносить разом, тогда меньше чувствуется каждая из них в отдельности. Правитель должен обладать одновременно природой льва и лисицы: быть львом, чтобы устрашать волков, и быть лисицей, чтобы распознать западню. Правитель не обязан быть верным своему слову, если такая честность оборачивается против него. Правитель не обязательно должен обладать добродетелями: важнее, чтобы подданные считали, что он ими обладает. Публичные поступки правителя должны подтверждать молву о нем как о великом, выдающемся человеке. Правитель не должен покушаться на имущество своих подданных и задевать их честь, тогда подданные будут довольны, а правителю останется лишь бороться с честолюбием немногих. Милости правитель должен оказывать сам, а дела, которые могут вызвать недовольство подданных, передавать другим. Правитель должен рассчитывать не на любовь своих подданных, а на их страх (но не ненависть).

В работе «Концепция политического» (1927, 1929, 1933) К. Шмитт проясняет и обосновывает эту идею. «Всякая противоположность, – писал он, – религиозная, моральная, экономическая, этническая – превращается в политическую, если она достаточно сильна для того, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов» [12, с. 300]. Критерий политического (*das Politische*) следует искать по аналогии с критериями оценки в других сферах общественной жизни. В морали отношения оцениваются с помощью противоположных критериев «добро» и «зло», в искусстве для оценки используется противоположность «прекрасного» и «безобразного», в политике же адекватным критерием Шмитт считает различие между другом и врагом. Речь идет не о личном враге, а о публичном – людях или группах людей, угрожающих способу существования моей группы. С ними следует вести себя иначе, чем с друзьями: настороженно, бдительно.

Шмитт настаивает на автономии политического, отличая его не только от экономического, морального, религиозного, но и от правового. Идентификация другого как друга или врага, утверждал он, не может быть осуществлена с помощью права, наоборот, она должна предшествовать ему. В процессе принятия экзистенциального решения о самоидентификации происходит разделение на «своих» и «чужих», «других». И только затем возникает отождествление политического с государственным и соответствующая система норм права. «...Политическое, – пишет К. Шмитт, – не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными..., хозяйственными или мотивами иного рода... Реальное разделение на группы друзей и врагов столь сильно и имеет столь определяющее значение, что неполитическая противоположность в тот самый момент, когда она вызывает такое группирование, отставляет на задний план свои предшествующие критерии и мотивы: «чисто» религиозные, «чисто» хозяйственные, «чисто» культурные и оказывается в подчинении совершенно новых условий и видов отныне уже политической ситуации» [12, с. 292]. Черно-белая схема К.Шмитта действительно позволяет увидеть нечто существенное, специфическое в политическом, однако реальная политическая жизнь намного сложнее, поэтому методическое использование критерия «друг-враг» ограничено.

Использование моральной лексики в политических речах называют морализаторством или моральной демагогией, реже – моральной риторикой. Под морализаторством (а также «морализацией», «морализированием») понимается излишняя перегруженность политической лексики моральной терминологией и моральными оценками (возмущения, обвинения и т.п.). У К. Маркса есть работа, в которой он специально исследовал феномен морализаторства [8], однако более отчетливо и ярко это явление представлено и разоблачено в «Святом семействе» и «Немецкой идеологии», где морализаторство определяется как подмена понимания реальности ее моральной оценкой. Морализаторская позиция вызывает подозрение как раз с нравственной точки зрения. Ф.М. Достоевский назвал позицию морализатора, присваивающего себе право выступать от имени добра и раздавать всем и вся моральные оценки, нравственным тиранством, ведь «против благонравия не

пойдешь» [10]. Зачастую при этом имеет место неправомерная экспансия моральной терминологии и моральных оценок в те сферы, где они неприменимы.

Термин греческого происхождения «демагогия», согласно словарю иностранных слов, означает: «1) использование лживых обещаний, преднамеренного извращения фактов, лести для достижения той или иной цели, например, для привлечения масс на свою сторону, для создания популярности; 2) высокопарные пустые рассуждения, прикрывающие какие-либо корыстные цели» [с. 186]. Термин «моральная демагогия» раскрывает, для чего, с какой целью прибегают к морализаторству, а именно: для того чтобы скрыть или приукрасить свои подлинные цели.

Представляется, что использование термина «моральная риторика» для целей нашего исследования предпочтительнее. Термин «риторика», означающий в том числе «напыщенную, красивую, но малосодержательную речь» [9, с. 533] указывает на то, что моральная лексика используется как средство, для чего-то иного. При этом не уточняется, с какой именно целью используется моральный язык – благой, своекорыстной или по необходимости, потому, что в публичной политике невозможно обойтись без моральной лексики. Таким образом, этот термин отличает большая ценностная нейтральность и, следовательно, понятие «риторика» больше по объему, включает не только случаи намеренного злоупотребления моральным языком, но и обращение к нему по иным причинам.

Для передачи политических смыслов и влияния на людей в политике используются естественный язык, язык науки, прежде всего гуманитарных дисциплин, а также моральный язык, софизмы, метафоры и другие выразительные средства. В политике существует и свой собственный язык, который разрабатывается в политологии. Однако он абстрактен, невыразителен, а большинству к тому же малопонятен, вследствие чего политическая лексика обладает очень незначительным потенциалом эмоционального (а для многих и когнитивного) воздействия («суверенитет», «мажоритарная система», «субсидия», «сецессия» и т.п.). На политическом языке можно точно выражать и обосновывать идеи в политологических трактатах, но он малопригоден для непосредственной политической коммуникации. Моральный же язык обладает особой силой эмоционального воздействия и суггестивной мощью, в силу чего используется в политике как орудие коллективного внушения. Употребление морального языка резко сокращает путь от словесных призывов к поступкам, поэтому публичной политики без моральной риторики не существует [5].

Объективности ради следует сказать, что политики могут ставить и искренне преследовать в своей деятельности собственно моральные цели (благо народа, мир во всем мире, гуманность, справедливость и т.д.). В этом случае моральная лексика употребляется не как средство, а по прямому назначению, для обозначения целей политики. Однако значительно чаще моральный язык используется в политике как средство, инструмент для реализации своих (политических или своекорыстных) целей.

Во-первых, он применяется для вербовки, объединения и мобилизации единомышленников (или для создания иллюзии единства группы). С этой целью

употребляются морально-возвышающие оценки и метафоры, своей группе приписываются различные моральные достоинства и приоритеты («мы – один народ», «мы – европейцы», «правда на нашей стороне», «бедны, но зато честны», «революция достоинства»).

Неморальные средства обособления группы при известных обстоятельствах могут также получать моральное содержание. Показательны в этом отношении выступления интеллектуалов в период становления немецкой нации в XIX - нач. XX веков. Одним из средств сплочения нации, как показал Э. Хобсбаум [11], является апелляция к общей «родословной» – общей истории, общей культуре, общему языку, общим национальным мифам и ценностям. В. Гумбольдт говорил об исключительном значении общего языка для объединения нации, а И.Г. Фихте в «Речах к немецкой нации» даже считал, что знание чужого языка никогда не обеспечит той же глубины проникновения в культуру, которое свойственно носителям культуры, для которых этот язык является родным. Ф. Тённис в «Общности и обществе» писал о «духе народа», который произрастает из общей «почвы» и даже биологической общности нации – «общей крови». Но вот В. Зомбарт в своей националистической работе «Торгаши и герои» уже пишет о моральном превосходстве немцев («героев», людей долга), противопоставляя их меркантильным англичанам – «торгашам», утилитаристам. Есть тонкая грань между моральным возвышением своей группы, в данном случае своей нации, и утверждением о ее моральном превосходстве перед другими, которое осуществляется, как правило, за счет морального унижения, оскорбления другой группы, и эту грань легко перейти. Между «Украина – не Россия», «кто не скаче, той москаль» и «москаляку – на гіляку» – один политический шаг и целая пропасть в моральном отношении.

Таким образом, во-вторых, моральная лексика с негативными коннотациями используется для того чтобы разделить, столкнуть людей, разжечь ненависть, зависть, спровоцировать агрессию, то есть для оскорбления и даже морального уничтожения политических противников. Это своеобразная политтехнология: морально-психологическое насилие посредством языка ненависти («предатели», «подонки», «коммуно-фашисты», «совки», «либерасты», «колорады», «ватники» («вата»), «нищоброды», «генетический мусор» и т.п.) исключает из морального сообщества политических оппонентов и предшествует физическому насилию, психологически подготавливает к нему: унижение, моральное уничтожение открывает путь уже к физическому их уничтожению, легитимирует его.

П. Бурдьё в работе «Символический порядок и власть номинации» [2] показал, как номинации, наименования используются для повышения и понижения социальной позиции в социальной иерархии [о прагматических аспектах см.: 4]. Посредством речей ненависти, которые С. Жижек называет символическим насилием, насаждаются смыслы, в речевых формах воспроизводящие отношения социального господства. Моральное возвышение своей группы и унижение группы, к которой принадлежит политический противник, – взаимосвязанные акции. Образ врага, против которого нужно сплотить народ, часто конструируется искусственно, идеологически, при этом используется самая разнузданная пропаганда. Таким

образом, демагогическая моральная риторика – одна из форм насилия – нравственно-психологического, символического, которое часто предшествует физическому насилию, провоцирует его и используется для его оправдания.

Политический язык, замечает К. Шмитт, по своей природе полемичен, а в ситуациях войны или революции конфронтация, поляризация проявляется и в языке: каждому политическому понятию противостоит понятие с противоположным смыслом. В этом ряду понятия «друг» и «враг» играют особую роль: из абстракций они превращаются в экзистенциальные символы, «получают свой реальный смысл благодаря тому, что они соотносятся и сохраняют особую связь с реальной возможностью физического убийства. Война следует из вражды – онтологического отрицания чужого бытия» [1, с. 30]. В реальной политике противостояние групп выражается в партийно-политической борьбе. Причем, решающим для вооруженного противостояния Шмитт считал внутрисударственное разделение на «друзей» и «врагов», а не внесударственное, а крайним выражением политического – гражданскую войну. «Покуда народ существует в сфере политического, он должен – хотя бы и только в крайнем случае (но о том, имеет ли место крайний случай, решает он сам, самостоятельно) – определить различие друга и врага. В этом состоит существо его политической экзистенции. Если у него больше нет способности к этому различению, он прекращает политически существовать. Если он позволяет, чтобы кто-то чужой предписывал ему, кто есть его враг и против кого ему нужно бороться, а против кого нет, он больше уже не является политически свободным народом и подчинен иной политической системе или же включен в нее...» [12, с. 305].

В-третьих, моральная риторика используется в политическом дискурсе для того, чтобы не называть вещи своими именами, скрывать, камуфлировать или приукрашивать свои подлинные намерения, облагораживать свой имидж или прикрывать свою некомпетентность. Очевидно, что речь идет в данном случае о неблаговидных с точки зрения морали целях: благородные цели политики охотно, а то и назойливо демонстрируют. Так, Р. Рорти оправдывал агрессию НАТО против Югославии в 1999 г. ссылкой на то, что там «хорошие парни» боролись с «плохими парнями». Даже в официальных документах военного блока НАТО вместо военной лексики – моральная («ответственность», «партнерство во имя мира», «против насилия», «сотрудничество», «доверие», «свободные, честные отношения»).

Для того чтобы скрыть, замаскировать свои цели, в политике обращаются не только к моральному языку. Многие понятия, которые в ходу у политиков, не имеют точного смысла («процветание», «свобода», «светлое будущее» и т.п.). Только профессионалу (философу, политологу, да и то не всякому), открывается «изнанка» этих понятий-лозунгов, способных соблазнить и вдохновить ничего не подозревающую публику. Так, как справедливо замечает Й. Изензее [6, с. 44-45], односторонняя вера в свободу таит в себе определенный риск. Свобода, закрепленная в правах либеральной конституции, – это не созидательная свобода («свобода для...»), а пустая, формальная «свобода от...», прежде всего от произвола государства. Такая свобода может быть использована как во благо, так и во зло. «Свобода, – уточняет Г. Крингс, – не политическая программа. Политическая

программа должна иметь содержание; свобода не имеет его. Однако она имеет имя, то имя, с которым человек утверждает свое собственное достоинство... Идея свободы стоит перед программой, а не в программе» [7, с. 40].

Сознательное использование моральной риторики с целью скрыть свои действительные цели и исподволь навязать свою волю является ничем иным, как обманом не искушенных в политике людей, т.е. принуждением. Там же, где отстаиваемые цели иначе, чем несправедливыми, не назовёшь, политики, эксплуатируя авторитет науки, прибегают к научной терминологии, а также к аргументам эффективности. Все то, что, будучи выраженным на моральном языке справедливости, вызывает подозрения и не может быть принято, можно без стеснения выразить на птичьем языке науки или посредством ценностно-нейтральной лексики эффективности. Так, необходимость сохранения плоской шкалы налогов в нашей стране политики обосновывают большей собираемостью налогов при этой системе, чем при прогрессивной шкале налогообложения.

Однако моральная риторика занимает в публичной политике особое место. Политики имеют обыкновение говорить об одном, чтобы скрыть другое. Обращение политиков к моральному языку не случайно: к морали в обществе значительно больше доверия, чем к политике. Сложилось устойчивое мнение, что из всех сфер общественной жизни политика в наибольшей мере подвержена деморализации («грязное дело»), поскольку моральные ценности в политике могут открыто игнорироваться и попираются. Одни и те же явления, в зависимости от отношения к ним политика, могут даже называться по-разному («суверенитет» – «сепаратизм», «кризис» – «спад», «убили» – «устранили» («нейтрализовали»), «война» – «миротворческая (антитеррористическая) операция»). Поэтому язык, на котором говорит с обществом политик (а также банкир, генерал, промышленник) Ж. Делёз и Ф. Гваттари в своей работе «Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип» назвали шизофреническим.

Моральные ценности – базовые, это ценности порядка как такового, они создают наиболее общие условия согласия между людьми. Достаточно представить себе, что случится, если люди будут систематически нарушать одну лишь норму «не лги», – нетрудно предположить, что никакое систематическое взаимодействие между людьми при этом условии невозможно. Поэтому моральные требования предъявляются как всеобщие, распространяющиеся на всех людей, и тем самым объединяют их как моральных субъектов. Мораль создает пространство взаимоуважения и ответственности, в рамках которого только и возможна социальная кооперация, благодаря морали мы можем взаимно полагаться друг на друга. В результате же демагогического злоупотребления моралью сужается пространство взаимоуважения, из него исключаются политические оппоненты.

Если в политике ставится вопрос о целесообразности, выгоды тех или иных методов достижения цели, то в морали – вопрос о допустимости, моральной оправданности, как целей, так и средств. Моральное требование направлено против эгоистических желаний и интересов, мораль бескорыстна, она охраняет социальное целое. В политике же своекорыстные, эгоистические интересы различных групп вступают в противоречие, разъединяют людей.

Моральный язык опирается на идеалы, надежды, ожидания людей, вследствие чего он предполагает слепое доверие к себе, способен пренебрегать противоречиями, сопротивляться фактам и разумным доводам. А это как раз и есть то, что нужно политикам, когда они пытаются скрыть свои цели, замаскировать, представляя их как моральные. Мораль, как пишет А.А. Гусейнов [3], является последним основанием, пределом человеческой культуры. В силу авторитета морали в общественном сознании к моральной риторике политики прибегают и тогда, когда пытаются придать больший вес своим целям. Используя моральную лексику для выражения своих интересов, политики получают возможность представлять свои партикулярные интересы в качестве всеобщих.

Таким образом, мораль и политика – это общественные сферы, часто функционирующие автономно друг от друга. Моральные ценности – ценности гуманизма и справедливости, честности, ответственности и др. – могут быть и ориентирами в политике, а могут и игнорироваться в ней, но в политической риторике используются всегда. Если в политике ставится вопрос о целесообразности тех или иных методов достижения цели, то в морали – вопрос о допустимости, оправданности как целей, так и средств. Специфическим способом аргументации в политике является утилитарный (соображения полезности или вредности, выгоды или невыгоды). Апелляция к морали усиливает политику, делает ее более привлекательной и более действенной, поэтому моральная риторика часто используется в политике инструментально, как средство для реализации политических целей.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Карл Шмитт: автономия политического // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – М., 2009. – С. 23-50.
2. Бурдьё П. Символический порядок и власть номинации // Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 72-80.
3. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Аристотеля // Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. – СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 388-418.
4. Дейк ван Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 344 с.
5. Дубко Е.Л. Политическая роль языка. Морализаторство в политике. Риторика и демагогия // Дубко Е.Л. Политическая этика. – М., 2005. – С. 130-141.
6. Изензее Й. Гражданская свобода и гражданская добродетель – важнейшие условия функционирования демократической общности // Политическая философия в Германии. Сб. ст. Изензее Й. и др. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 43-52.
7. Крингс Г. Цена свободы // Политическая философия в Германии. Сб. ст. Изензее Й. и др. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 32-42.
8. Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 291–321.
9. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1993. – 740 с.
10. Соина О.С. Моралист // Человек. – 1995. – № 4. – С. 53–65.
11. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
12. Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли в 5 тт. Т. 2. Под ред. Алексеевой Т.А. – М.: Мысль, 1997. – С. 291–309.

13. Arendt H. For Love of the World. New Haven: Yale University Press. 1982. (Цит. по: Алексеева Т.А. Карл Шмитт: автономия политического // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – М., 2009. – С. 50).

Porokhovskaya T.I. The Moral Rhetoric in Political Discourse // Scientific Notes of Crimea Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 1. – P. 89-97.

The objective of the work is to systematize and critically reflect on the reasons and motives of politicians who appeal to the moral rhetoric, to reveal the functions of moral language in public policy. To this end, we consider the relationship of morality and politics in Plato and Aristotle, the basic stages of formation of representations about the specifics of political (more detailed - N. Machiavelli and K. Schmitt), the place and role of moral rhetoric in political discourse. The article shows that the moral values can be political values but they also can be ignored by politicians. However, the moral rhetoric in public policy is always used. This is due to the characteristics of the political (also pertaining to political science), and the moral language, and due to the fact that the moral rhetoric is often used in politics instrumentally. The appeal to morality strengthens politics, making it more attractive and more effective, so the moral rhetoric is used in politics as a means for the realization of political goals: the moral elevation of the group and its goals, the moral humiliation of the group of political opponent and for hiding the true goals and intentions.

Key words: the moral, political, moralism, moral demagoguery, symbolic violence.

References

1. T.A. Alekseeva, Carl Schmitt. Political Autonomy. Political as a Political Problem. Essays on the Political Philosophy of the 20th Century. – Moscow, 2009. – P. 23-50.
2. P. Bourdieu. Symbolic Order and the Power of Nomination. // Sociology of Politics . – Moscow, Socio-Logos, 1993. – P. 72-80.
3. A.A. Guseinov. Morality and Politics: Lessons from Aristotle's Philosophy // Thought and action: articles, reports, lectures, interviews. – Saint Petersburg: SPbGUP, 2012. – P. 388-418.
4. T. Van Dyck. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication. – Moscow: LIBROKOM, 2013. – 344 p.
5. E.L. Dubko. The Political Role of the Language. Moralism in Politics. Rhetoric and Demagogy. // E.L. Dubko Political Ethics . – Moscow, 2005. – P.130-141.
6. J. Izenzee. Civil Liberties and Civil Virtue - the Most Important Conditions of the Functioning of a Democratic Community // Political Philosophy in Germany. Coll. of Art. of Izenzee J. and other authors. – Moscow: Modern Notebooks, 2005. – P. 43-52.
7. G. Krings. The Price of Freedom // Political Philosophy in Germany. Coll. of Art. of Izenzee J. and other authors. – Moscow: Modern Notebooks, 2005. – P. 32-42.
8. K. Marx. Moralizing Criticism and Criticizing Morality // K. Marx and F. Engels, Writings, Vol . 4. – Moscow: Gospolitizdat, 1955. – P. 291-321.
9. Modern Dictionary of Foreign Words. – Moscow: Eng. lang., 1993. – 740 p.
10. O.S. Soina // Moral Man. Human Being, 1995. – № 4. – P. 53-65.
11. E. Hobsbaum. Principle of Ethnicity and Nationalism in Modern Europe // Nations and Nationalism. – Moscow: Praxis, 2002. – 416 p.
12. K. Schmitt. Concept of the Political // The Anthology of World of Political Thought in 5 Volumes. – V. 2. Ed. By T.A. Alexeeva. – Moscow: Thought, 1997. – P. 291-309.
13. Arendt H. For Love of the World. New Haven: Yale University Press. 1982 (Quat. from: T.A. Alekseeva. Carl Schmitt. Political Autonomy. Political as a Political Problem. Essays on the Political Philosophy of the 20th Century. – Moscow, 2009. – P.50).